

У человека, чье боевое искусство, подобно искусству Се Юня, достигло предела совершенства, осанка и манера держаться обладают особым изяществом, и он ощущается в толпе совершенно иначе.

— ... — Дань Чао сжал рукоять меча, но увидел лишь, как Се Юнь бегло взглянул на него:

— Кто тебе учитель?

— Хотя времена и обстоятельства изменились, и сцена была совершенно иной, эти слова, идентичные до последней буквы, даже с привычным презрением в интонации, внезапно совпали с воспоминанием о том, как под кроваво-желтым песком и палящим солнцем пустыни Меч Цисин Лунъюань обрушился на него сверху.

Дань Чао стиснул зубы:

— Ты...

— Меч Тайэ? — внезапно что-то заметил Фу Вэньцзе и воскликнул в изумлении:

— Почему у тебя Меч Тайэ? Откуда ты его взял?!

Его рассудок был уже не совсем ясен, он импульсивно бросился, чтобы отобрать меч, но Се Юнь с легкостью переложил длинный меч в платиновых ножнах в другую руку:

— Молодой хозяин поместья, неужели не узнаете меня?

Фу Вэньцзе внезапно замер, разглядывая Се Юня. Спустя некоторое время он, казалось, нашел в его прекрасных чертах нечто знакомое.

— Ты... Неужели ты...

— Много лет не виделись, должно быть, я сильно постарел, и молодому хозяину поместья не узнать меня — это нормально, — насмешливо произнес Се Юнь. — Однако героический дух старого предводителя союза в те годы произвел на меня глубокое впечатление. Хотя наша схватка была мимолетной, воспоминания о ней свежи до сих пор, я не могу их забыть.

Фу Вэньцзе ошеломленно проговорил:

— Т-так это ты... тот, кто в те годы победил моего отца и забрал божественный меч...

— Не думал, что, ступив снова в Поместье Ковки Мечей, обнаружу не только что старый хозяин поместья уже покинул этот мир, но и что весь род Фу распался и погиб.

Взгляд Се Юня скользнул мимо Фу Вэньцзе, упав на мрачный гроб в тайной комнате. Он с большим достоинством слегка поклонился, выражая соболезнования:

— Лишь сегодня я имею возможность выразить соболезнования молодой госпоже. Ушедшие уже ушли, прошу молодого хозяина поместья смягчить свою печаль.

Фу Вэньцзе отступил на полшага назад. Судя по выражению его лица, его нынешние ощущения должны быть крайне абсурдными.

— Т-ты отнял символы власти предводителя союза — Лунъюань и Тайэ, из-за чего роду Фу пришлось выковать поддельные мечи, чтобы скрыть это, и из-за этого мы годами находились

под контролем Врат Духов и Призраков, а теперь ты еще и осмеливаешься являться сюда так открыто?!

В тот же самый момент с другой стороны Дань Чао резко посмотрел на Се Юня, и давно терзавшее его сомнение внезапно прояснилось:

— Ты тоже когда-то был из Врат Духов и Призраков?!

Се Юнь слегка взглянул на Дань Чао, в уголках его губ, казалось, застыла легкая, небрежная улыбка.

— Тогда почему Меч Цисин Лунъюань оказался у меня? — Дань Чао быстрым шагом приблизился, его голос звучал почти что сурово. — Что же произошло в те годы в Мобэе? Почему ты хотел убить меня? Это ты привез меня из Мобея в храм Цыэнь в Чанъане, или...

Его голос резко оборвался.

Он увидел, как Се Юнь указал на него эфесом меча издалека. Хотя движение было очень мягким, в тот миг меч Тайэ испустил клинковое сияние, столь же острое и пронзающее до костей, как и смысл его слов:

— Я не разговариваю со слабаками.

Дань Чао внезапно остановился.

— Хотя человеком, отобравшим Лунъюань и Тайэ, был я, но в те годы поединок был честным, и ваш отец признал поражение.

Се Юнь повернулся к побледневшему Фу Вэньцзе, его тон неожиданно стал умиротворяющим:

— Более того, хотя Врата Духов и Призраков использовали это как рычаг для контроля над Поместьем Ковки Мечей, насколько мне известно, они также предоставили вам немало выгод. Иначе старому предводителю союза в те годы не удалось бы так легко повелевать миром боевых искусств, разве не так?

Судя по недовольному выражению лица Фу Вэньцзе, он, должно быть, был прав.

Се Юнь продолжил:

— Большинство сделок в мире таковы: есть выигравшие и проигравшие, есть потери и приобретения. Врата Духов и Призраков по отношению к Поместью Ковки Мечей не только оказывали давление и использовали его, но и много вкладывали, поддерживали; старый предводитель союза всю жизнь пользовался высоким авторитетом и добродетелью, а после смерти удостоился великих почестей. С моей скромной точки зрения, это уже лучший исход. Как считает молодой хозяин поместья?

— Дань Чао осознал, что у Се Юня действительно есть такая способность.

Если он того пожелает, он может мягко направлять, убедительно излагать, заставляя человека незаметно попадать в ловушку его слов и даже безоговорочно верить им.

Дань Чао взглянул на Фу Вэньцзе. Бледное лицо молодого хозяина Поместья Ковки Мечей слегка исказилось, и спустя некоторое время он с трудом выдавил:

— ...Раз уж дело дошло до этого, говори что угодно.

Се Юнь кивнул, его вид выражал некую удовлетворенность от того, что ситуация полностью под контролем.

Он уже собрался что-то сказать, как вдруг сверху, из туннеля, донеслась легкая вибрация, а затем со всех сторон, постепенно приближаясь, посыпалась земля из щелей между кирпичами. Фу Вэньцзе поднял голову и сипло произнес:

— Конский топот?

— Столица Чанъань, генерал кавалерии Сяоцзи Юйвэнь Ху.

Се Юнь невозмутимо произнес:

— Наследный принц из Восточного дворца отравлен редким ядом. Слух о том, что в Поместье Ковки Мечей может храниться противоядие, был распространен Вратами Духов и Призраков. Поэтому нынешний император приказал Юйвэнь Ху во главе пятисот отборных воинов двинуться на юг, чтобы отобрать... чтобы получить последний в мире снежный лотос. Молодой хозяин поместья, вы ведь знаете о связи Врат Духов и Призраков с нынешним императором?

Выражение лица Фу Вэньцзе внезапно прояснилось:

— Так вот для чего этот Цзин вдруг явился...

— Да. И что ты теперь собираешься делать?

Се Юнь с интересом спросил:

— Преступление раскрыто, сильные враги окружают со всех сторон. Что еще ты можешь предпринять?

Любой другой человек не смог бы этого заметить, но в тот миг только Дань Чао ясно увидел в уголке губ своего учителя проблеск чего-то зловещего.

Топот копыт становился все ближе, в туннеле раздавались глухие и нечеткие отголоски. Судя по направлению, они двигались к главным воротам загородной усадьбы у подножья горы.

— Что делать... Ты спрашиваешь, что делать.

Фу Вэньцзе стоял у гроба, его взгляд был мутным и рассеянным. Спустя некоторое время он внезапно сипло рассмеялся:

— Первый мастер императорской гвардии находится здесь, генерал кавалерии Сяоцзи — наверху, Врата Духов и Призраков уже наверняка не удержат... а ты еще спрашиваешь, что я собираюсь делать? Разве теперь не вам решать, что вы со мной сделаете?!

Его последние слова прозвучали почти на высоких нотах, переходя в визг. Неожиданно Се Юнь покачал головой:

— Никто не может сделать с тобой ничего, молодой хозяин поместья. Ты уже победил всех.

Едва эти слова были произнесены, как Дань Чао удивленно приподнял бровь, а затем смех Фу Вэньцзе внезапно стал громче:

— О? И как же это? Я не понимаю.

Се Юнь слегка вздохнул.

— Ты понимаешь, молодой хозяин поместья.

Он медленно произнес:

— Ты отравлен уже давно, осталось недолго, дороги к жизни уже нет... Мертвого нечем шантажировать, он вечно непобедим.

Дань Чао в тот миг остолбенел.

— Кхе-кхе, кхе-кхе-кхе, кхе...

Возможно, из-за душевного волнения, вызвавшего прилив крови, Фу Вэньцзе, едва начав говорить, разразился сильным кашлем, а затем плюнул на пол, и слюна с крапинками крови брызнула на землю. Дань Чао, стоявший неподалеку, изменился в лице.

— Не зря... не зря ты ему учитель.

Наконец, с трудом подавив кашель, Фу Вэньцзе, усмехаясь, сказал Дань Чао:

— И правда, даже это смог узнать — ха-ха-ха! Как начальник охраны Се обнаружил?

Се Юнь усмехнулся:

— Просто велел обыскать комнату молодого хозяина поместья. Подчиненные старательны, не стоит хвалить.

Дань Чао в недоумении спросил:

— Зачем ты принял яд?

Горло Фу Вэньцзе охрипло от кашля, он лишь молча махнул рукой, медленно отступил к гробу и в изнеможении опустился обратно на табурет.

В тот миг, в колеблющемся свете огня в подвале, на его лице наконец ясно и отчетливо, уже невозможно было скрыть, проступила смертоносная чернота.

— Потому что все виновные в смерти молодой госпожи должны заплатить жизнью, включая молодого хозяина поместья, который не сумел защитить свою жену.

Се Юнь, скрестив руки на груди, стоял у входа в тайную комнату, слегка прислонившись плечом к шероховатой стене, и с улыбкой произнес:

— Если бы в свое время, когда твоя сестра придиралась, ты проявил авторитет старшего брата и решительно поддержал возлюбленную; если бы в свое время, когда мать осуждала, ты проявил ответственность мужа и решительно заступился за жену; если бы в свое время, узнав, что плод женского пола, ты проявил отвагу отца и решительно защитил своего еще не рожденного родного ребенка... тогда к сегодняшнему дню все было бы совершенно иначе.

— Всех бед виновник — ты, молодой хозяин Фу.

В глазах Се Юня читалась неподдельная жалость и жестокость:

— Твои колебания и метания погубили ее, погубили вашего ребенка. Это ты с самого начала собственноручно написал сегодняшний финал — разлуку с женой и потерю ребенка.

Каждое слово было подобно отточенному лезвию, с усмешкой вонзающемуся в самое больное место в душе Фу Вэньцзе.

Дань Чао взглянул на выражение лица Фу Вэньцзе у гроба, и сердце его сжалось:

— Хватит!

— Разве я сказал неправду?

Се Юнь с любопытством спросил:

— Молодой хозяин поместья?

Рука Фу Вэньцзе лежала на крышке гроба, пальцы постепенно сжимались все сильнее.

<http://bllate.org/book/15578/1387188>